

Валентин ЛУКИН

**Деревья,
травы,
облака...**

г.Чкаловск
2019 год

ББК 84(2Рос=4Ниж)
Л84

Лукин, В. П. Деревья, травы, облака...: стихи, проза /
Валентин Павлович Лукин. – Чкаловск, 2019. – 68 с.

Компьютерный набор – Г.И.Сомов
Компьютерная верстка – В.Б.Константинова
Фото автора

От автора

Наблюдения, показавшиеся интересными, достойными внимания явления в природе, какие-то, пусть совсем и незначительные, но остановившие взгляд маленькие происшествия в царстве облаков, деревьев, трав – вот все эти мелочи, пока они ещё не забылись, пока они в памяти сохраняли свою свежесть и непосредственность, я старался, не мешкая – быстро-быстро! – хоть на чём-нибудь, да записать. Не важно на чём – на обороте почтового конверта, на бланке квитанции пенсионного фонда, на любом клочке бумаги, подвернувшемся под руку, ну, и, разумеется, на осьмушке писчей бумаги, если её не так трудно было разыскать.

Всё это писалось спонтанно, без всякой мысли о том, кому и зачем будут нужны эти записи. Поэтому в них нет какого-то продуманного сюжета, и я хорошо понимаю, что они, как говорится, «на любителя».

И всё-таки я решил как-то подсобрать, «огрудить» эти заметки и придать им хоть какую-то систему, ничего лучшего не придумав, как расположить их в хронологическом порядке, то есть в соответствии со временами года. Но это отнюдь не фенологический дневник. Кто-то скажет – да это стихи в прозе! Кому-то послышатся в них отголоски японской поэзии. Да нет же!

Повторяю, это всего лишь записи наблюдений за всяческими маленькими событиями в окружающем нас макромире. На эти события, тот, кто отягощён заботами, деловой, занятой и внимания не обращает. А я человек досужий, и есть надежда – может найдётся хоть одна родственная душа, что природу воспринимает с радостью, ласкою и любовью, как и должно её воспринимать.

Снег, в упор освещённый мартовским солнцем, так ярок, что на него больно смотреть глазам. Горит! Прозрачная, еле заметная кисея дрожит, брезжит над подтаивающим сугробом. Солнышко взялось за дело, засучив рукава.

Огромные, в человеческий рост, сугробы выросли возле наших сараев за долгую зиму. Казалось, и до лета им не растаять. Но вот выдалось несколько по-настоящему тёплых дней, и от этих великанов не осталось и следа.

Будто лохматые папахи горцев забросил кто-то из озорства на самые верхушки берёз. Поди попробуй достань! Да нет, это не папахи. Это грачиные гнёзда. Не поспешила матушка-зима – доверху насыпала в них снега.

Весна нынче что-то замешкалась, подзадержалась. Видно заплутала в пути. И такое бывает. Прилетели грачики к своим гнёздам, а в них всё ещё снег лежит. Возмутительно! Ведь так спешили – и на тебе! Им бы отвести душу – покричать, поругаться, – да так обессилели в полёте, что и кричать уж нет сил. Сидят обескураженные, понурые, уставшие крылья опустили. Даже глядеть жалко.

Заголубели небеса,
И солнце бьёт лучами в очи,
И снег осел, пытит, бормочет,
Иссяк от солнечных лучей.
И вот расплакался в итоге,
И вот уже потёк ручей,
Сверкают лужи на дороге.
А на берёзах – грай грачей,
Уставших в длительном полёте.
И запыхавшиеся тётки
Красны от радостных речей.

Будто упругие струи фонтана ринулись ввысь ветви рослой красавицы берёзы, учуяв тепло апрельского ветерка!

И всё это на фоне чудесного большого-большого, белого-белого облака! Но каким бы ни было белым облако, ствол и крупные ветви берёзы, обласканные солнцем, ещё ярче, ещё белей! Сияют!

Легкомысленное апрельское облако неспешно прогуливалось по лазурному небосводу.

Старая берёза зацепила облако своей вершиной: «Не уходи – побудь со мною!»

Как быстро исчез снег под горячим апрельским солнцем! Почти что весь растаял он и в нашем палисаднике, так – лишь кое-где лежат последние остатки. Не дожидаясь, когда они растают, мгновенно выпрыгнули на Божий свет первоцветы – крокусы. Ведь из-под самых-то ледянистых черепков вылезли! На вид слабенькие, хрупкие цветочки, а какие храбрецы!

На Пасху местные умельцы на подъездах к кладбищу разложили, расставили на прилавках-раскладушках огромное количество самодельных цветов.

Какое изобилие, какое разнообразие! Какая роскошь! В глазах рябит! И с каким искусством сделаны эти великолепные имитации! Ну, просто как живые!

Ах, если бы не это «КАК»...

Малюсенькие, робко дрожащие от холода беленькие цветочки крокусов в нашем палисаднике совсем неказисты на вид, но в них – жизнь, трепет жизни. Их создал Сам Господь, и разве мыслимое дело соревноваться с Самим Творцом мироздания!

Сколько радостных вестей принёс первый по-настоящему тёплый апрельский день!

Муха ожила за оконной рамой, выбралась из зимнего укрытия бабочка-лимонница, засутилась, замельтешила крылышками над кустом шиповника.

Мохнатая гусеница, выгибая спину, переправляется через просыхающую дорогу.

Уже в марте в вершинах берёз, в ореоле, образуемом верхними ветвями, появляется красноватый винный тон. И чем усердней работает солнышко, тем теплей и теплей становится этот тон, приближаясь к оранжевому. В конце апреля, перед тем, как проклюнуться почкам, берёзы окутывает такая нежнейшая, такая сложнейшая по цвету кисея, что цвет её

совершенно невозможно ни словами описать, ни красками передать.

Как похорошели берёзки! Даже совсем взрослые, даже старые берёзы будто бы помолодели. Сокрытые в земле корни наверняка уже погнажи вверх живительные соки.

Явственно вспомнился вкус холодноватого, чуть мутноватого берёзового сока, хотя давно, наверное, с самого детства, не доводилось его попробовать.

Набрать в бутылку берёзового сока было всенепременным делом ребят в пору нашего детства. Нынешним, пусть даже и в сельской местности живут, это совсем не интересно и не нужно. Вот «Пепси» – это да, это вещь! Не оттого ли так легко расстаются они с местом, где родились, выросли.

Утром вышел на веранду – захотелось посмотреть, что же там сегодня творится – делается в Божьем мире. Сразу же внимание привлекла небольшая, с воробья, серенькая птичка. Сидит на пластушине останного снега и вот долготит, всё что-то склёвывает, склёвывает. Интересно стало – что за птичка? Нет, не воробей. Да что-то и не улетает долго.

Пригляделся получше – ха! Вовсе никакая это не птичка, а прошлогодний жухлый лист выбрался из-под черепка снега, и только черешок-хвостик всё ещё там, во льду. Ветер играет, шебуршит листиком, а мне приоблазнилось – птичка.

Вот как обознался!

Но было и по-другому, совсем наоборот. В мае гулял по Воскресенской горе, и на подходе к часовенке вижу – шебуршит, шевелится под ветром прошлогодняя, почерневшая за зиму листва. Подхожу поближе, а листва – порх! – взлетела вверх и расселась на ветках старой берёзы. Вот так раз! Э-э-э, да это скворушки!

Их было десятка два, никак не меньше. Как деловито копошились они в траве, склёвывая семена, выпавшие из берёзовых серёжек! Но почему их так много, целая стая? А может летели из тёплых мест да и решили сделать перекур с перекуской.

И я решил немного отдохнуть, посидеть на ступеньках лесенки возле часовни. Сижу, а скворцы принялись хором исполнять для меня ораторию собственного сочинения. Вот наяривают! Хорошо!

И всё-таки лучше, когда скворчик поёт сольно, сам по себе. Представить невозможно, что бы было, если бы хором вдруг запели соловьи. Нет уж, не надо!

Легки, прозрачны облака в апреле.
И так простительны проказы и грехи!
Размытые, как будто акварели,
В апреле сочиняются стихи.

И так пронзительно и золотисто солнце
Смеётся из овальных окон луж!
Во всех домах весёлые оконца
Обрызгал душу радующий душ.

Деревья растопырили ладони,
Как дети рады свету и теплу.
Вся улица в апрельской сини тонет,
Дома вальсируют, как будто на балу.

В ветвях деревьев блещет канитель,
Под грай грачей и под синичьи трели,
Под высверки и перезвон капли
Пьянит, кружит до одури апрель!

Снег растаял везде, и только в тени за сараями лежат и чахнут синеватые ледяные черепки. Глядя на них, вспомнилось, как мы, сопливые пацанчики любили в такую вот пору быстро-быстро, стрелюю, перебежать босиком через дорогу от одного крылечка к другому. Пятки будто огнём жжёт, но как хочется и как весело ощущать ледяной холодок родной землицы!

В середине апреля выдалось два-три дня чуть ли не по-летнему тёплых. Как им все обрадовались! Сразу ожили, разомлели люди. Зазеленела травка, появились первые цветочки – беленькие крокусы. Да только рановато обрадовались. Всего неделя оставалась до мая – и вот на тебе! – проснулись утром, выглянули в окно, а там опять зима. За ночь вновь землю укрыло белым покрывалом.

Бедные крокусы, как их жаль!

Снег в конце апреля – не так уж часто это бывает. Но какая красота!

Мокрые хлопья снега со шквалистым ветром облепили всё, что попадалось на пути, все до единой, до самой тонюсенькой веточки деревьев и кустов, и сами стволы, и штакетник палисадника. Переплетения заснеженных веток

шиповника, молодых кустов вишни на тёмном фоне стены сарая – это чудо какое-то!

Вологодское кружево! Глаз не оторвать!

И поскольку всё тёмное враз оказалось белым, то и выглядит как негатив фотоплёнки. Необычно, совсем непривычно для глаза. Ну как же не запечатлеть такое необычайное явление! Скорей, скорей доставай «Кодак»!

Но вот земля хорошо, до твёрдости просохла и возле моего «наблюдательного пункта». А наблюдательный пункт – это две лавочки под раскидистыми берёзами, они чуть в стороне от нашего дома, и, когда я там сижу, то ни я никому не мешаю, ни мне никто не мешает. Лавочки сиденьями обращены друг к другу, когда-то между ними и столик был, но он подгнил и его убрали.

Ареал моих наблюдений, в общем-то, и ограничивается квадратом нашего двора. Сижу себе посиживаю на краешке лавочки, семечки лузгаю, собачка Веста у моих ног, или чуть поодаль в травке сахарную косточку грызёт. И так, можно сказать, изо дня в день.

А мимо люди идут, идут, да и думают, чай, себе – что же это за лодырь, что за бездельник такой, что и всех дел-то у него на всё лето только и есть, что семечки щёлкать.

Э, милые мои! Да разве я сидел бы тут сиднем, ведь и у нас есть свой участок, свои шесть

соток, уж что-нибудь да ковырялся бы там, да вот беда – ноги мои совсем служить отказались, дальше дворового пяточка никуда не могу пойти. Да и не только на эти пресловутые шесть соток – выбрал бы время – и в лес бы ходил, и на речку – за деревню Жуково в овраг. Ан, нет – не сходишь уж никогда...

Но и здесь, если с любовным вниманием несуетным взглядом поглядеть вокруг, тоже можно увидеть немало любопытного. Ведь и здесь они всё те же – деревья, травы, облака!

За лавочками у огородов небольшая лужайка. Сейчас вид у неё весьма неприглядный – жухлая, грязная трава сверху прикрыта панцирем слипшихся за зиму в единый пласт облетевших осенью берёзовых листьев. Теперь этот панцирь просох на солнце и трескается под ногой с каким-то жестяным хрустом. Листья, трава будто золой присыпаны – снег-то растаял и вся сажа, вся пыль, что скопилась в нём за зиму, серым порошком запорошила лужайку.

О! А посмотри-ка – вон там в сторонке весь этот, казалось бы, непроницаемый пласт слипшихся листьев, будто шилом проткнул, пробился на волю острый и зелёный-то презелёный, просвеченный насквозь солнышком, побег пырея. Сильная трава – пырей! Упрямая!

К вечеру женщины сгребли граблями в кучу всю жухлую траву и сухие листья. Затрепыхался от поднесённой спички огонёк, а тут уж и пламя пыхнуло кверху. Затрещало что-то там внутри костра мелким сухим треском, запопискивало тоненько, а через полчаса этой огромной кучи как и не бывало. Только какие-то отдельные листочки даже и сгоревшими, посеревшими, скрючились – но формы не потеряли.

Ну вот – пройдёт день-другой и освобождённый от гнёта зазеленеет наш лужок!

Какой чудесный день. Прямо вот с самого утра – ясный, солнечный, тёплый – выдался сегодня к вящей радости огородников. И вот потянулись они на свои участки – с лопатами, с тяпками, с граблями, с секаторами.

А огород всего в десяти шагах от «моей» лавочки. Ну, что же, с каждым надо поздороваться, каждому пожелать, чтобы Бог помощь оказал.

Смотрят огородники на меня и думают: «Вот как хорошо досужему человеку – сиди да семечки поплёвывай». А мне вспомнилась присказка такая шуточная: «Смотри на пролетающие облака, на шумящую листву, на работающих людей – вот Господь и прибавит чуток здоровья и лет жизни». Отчасти оно, может, так и есть. Прибытка здоровья что-то вот не ощущается только...

Веста, собачка наша, с дружкой соседским, пёсиком Малышом побежала вперегонки на задворки, за сарай. А ко мне тут же прилетели мои приятели воробьишки, синички. Учюяли запах калёных семечек – и тут как тут. Синичка с семечками справляется только так, воробьишки же не так ловки – даже и разшелушенное семечко повертит и так и эдак, а справиться не может. С крыши сарая, вытягивая вниз шею, похотливо поглядывают на нас и галки – не отколется ли и им чего-нибудь. Пошли-ка вы подальше! Галки – птицы смышлёные и вороватые, сами найдут себе пропитание.

Гомон, щебет, оживленье
Птиц, каких только ни есть.
И сквозистый куст сирени
Приготовился расцвести.

Сколько звонкого веселья
У порхающих синиц!
Может нынче воскресенье –
Столько всюду светлых лиц?

Распахни же окна настежь,
Свежесть в комнату впусти!
Солнца брызги очи застыят!
Май весёлый, здравствуй, властвуй!
Яркой зеленью цвети!

Май наступил!

Целый день тёплый ветерок шалил, перебирая длинные пряди старой берёзы.

К вечеру старушка совсем разомлела. От неги и ласк лопнули её набухшие почки. Мириады крошечных зелёных огоньков зажглись в сиреневых мгlistых сумерках.

Это ли не красота!?

Вчера лежал на диване; рассеянно, бездумно глядел в окно, за которым сияло и звенело предзакатное небо. И вот там в этом осиянном небе совсем неожиданно нарисовалась необычно крупная птица. Перед окном целый день снуют галки, вороны, иногда грачи. А это что такое? Далековато, чтобы рассмотреть хорошенько. Да ещё и против света.

Но как летит! Взмахи больших крыльев редкие, но сильные. Гусь? Похоже. Но почему же летит с севера на юг?

Но вот птица, описав полукруг, развернулась и устремилась в обратную сторону.

А пожалуй что гусь!

Прошло всего минут пять, и – чудеса какие-то! – уже совсем близко и совсем низко, чуть выше соседнего двухэтажного дома пролетел ещё один – теперь уж никаких сомнений даже и быть не могло – пролетел ещё один гусь. В поле зрения

он находился секунды две, не более, но этого хватило, чтобы разглядеть его и восхититься его полётом. За такой краткий миг он сделал два или три взмаха широко расправленными крыльями, но сколько мощи и красоты, сколько страстной устремлённости было в этом полёте!

По всей видимости супружеская пара по какой-то причине отстала от стаи, а теперь, то ли гусь-самец догоняет подругу, то ли наоборот. Наверное, они всё-таки найдут друг друга, но вот удастся ли им настичь свою стаю – этот вопрос острой занозой впился в мозги.

Какое же наслаждение, какая отрада для души следить за движением облаков в конце апреля, в начале мая!

И синева-то неба какая-то особенная в это время, нечего и пытаться отыскивать слова, чтобы описать этот цвет.

А облака! Облака! Сколько в них юной свежести, лёгкости. Беззаботность и бездумность – летят себе и летят, а куда? – да не всё ли равно! Лишь окружала бы эта чудесная лазурная голубизна, лишь бы ласковый ветерок подгонял и обвевал со всех сторон. Влажный, сладкий апрельский ветерок! Они подобны наполненным ветром белым парусам морской каравеллы, только паруса всегда сохраняют свою форму, а облака ежеминутно, ежесекундно изменяются. Вот совсем было прозрачное, хиленькое, будто тающая льдинка, но прошёл миг, другой, только-

то и успеешь перевести взгляд на другое облако, а оно, хиленькое-то, успело раздаться, вырасти, и, несмотря на то, что стало большим, всё равно лёгкое, то ли несётся, то ли плавно плывёт, оставляя за собой белые космы. Но вот от него отпочковалась одна часть, другая. Улетели вдаль, растаяли, а их место занял торжественный многопарусный фрегат... И так без конца!

Нет! Ни в какое другое время года не увидишь больше таких облаков, чтобы вот также волновали и радовали душу, чтоб ей хотелось самой воспариться и лететь, лететь неведомо куда! За ними, за бесплотными мечтами!

Я надеюсь, что и вы согласны, что прекрасней апрельского неба нет ничего на свете. Но, в общем-то, в небе есть своя прелесть всегда – и ненастным октябрьским днём, когда сквозь тяжёлые свинцовые массивы, как сквозь прорехи проглядывает зеленоватая лазурь, и в июле, когда в преддверии заката облака встают вертикально – громоздятся подобно сказочным замкам, оранжевые, пунцовые, источающие золото и янтарь, фантастически-неправдоподобные, напоминающие облака на картинах Рериха.

Но никто из художников, ни до него, ни после, не мог так правдиво, убедительно, и в то же время поэтично изобразить небо, облака как великий мастер-пейзажист Фёдор Васильев! Это был волшебник!

А ведь в сущности, хоть облака, хоть тучи – всё это лишь скопления атмосферной влаги, проще сказать – туман, где-то большей, где-то меньшей плотности. А уж поэзию и сказочность им дарит Солнце, освещая их то так, то эдак, в зависимости от времени года, времени суток, ну, и, наверное, в зависимости от собственного настроения.

Великолепный, блистающий майский день. Тюльпаны на клумбе под нашим окном благодарно раскрыли до невозможности, до предела алые чаши навстречу ласковому, тёплому солнышку.

Пролётная тучка решила над ними немножко подшутить – sprysнула их прохладным дождиком, да тут же и скрылась.

Тюльпаны вздрогнули от испуга, подняли верху, сложили свои глянцевиые лепестки.

Но через минуту-другую, поняв, что это была всего лишь озорная шутка, они снова улыбались небу и солнцу, и только на лепестках капельки дождя сверкали будто слёзы радости и счастья.

– Ах! – только и могла выдохнуть девочка Анечка, выглянув поутру в окно и увидев в палисаднике удивительные, огромные, как тарелки, ярко-ярко красные цветы. Они так

очаровали её, что она даже и не умывшись, в одной ситцевой рубашонке, выбежала в палисадник, и, широко раскрыв от восхищения глаза, смотрела, и никак не могла насмотреться на это чудо. Одни из них ещё не успели раскрыться полностью, и были похожи на кувшинчики.

Анечка заглянула внутрь кувшинчика и увидела там на дне большие и прозрачные, как мамины бусы, капли росы. Она осторожненько, чтоб не поломать, наклонила кувшинчик и вылила, что там было, себе в ладошку. Много набралось, и Анечка этой прохладной, почти ледяной влагой умыла себе и щёчки, и губы, и нос, в общем всю свою мордашку.

Потом налила в ладошку этой водички из другого кувшинчика и выпила её. Будто серебряные шарики покатались по горлышку. До того вкусно!

Мама хватилась Анечку, встречает её на пороге: «Анечка! Да где же ты была? Смотри-ка, да ты вся такая раскрасавица! Прямо как маков цвет!»

И потом, с каким бы только мылом ни мыла Анечка свои щёчки и губки, – нет, не отмыла, – они у неё так всю жизнь и горели как маков цвет.

Жарким огнём трепещет цветок алого мака на майском ветру. Но коротка его жизнь! Вот уж упали один за другим безжизненные лепестки.

Лепестки мака упали на землю. На тонком стебле осталась лишь круглая шишка. В ней спрятались сотни – нет, тысячи! – маковых зёрнышек! В каждой из них затаилась жизнь маленького солнца – алого мака.

Затрепещет ли вновь алый огонь на майском ветру? Скорей всего маковыми зёрнышками посыплют свежеиспечённую сдобу...

Сижу под вечер на скамейке у крылечка. И вот на лёгких, едва ощутимых волнах ветерка донёсся терпкий, горьковатый и такой душищипательный запах. Да что это такое – неужели черёмуха зацвела? Надо сходить посмотреть, проверить.

А на углу соседнего с нашим дома, прямо у дороги стоит совсем неприметное в другое время года, очень даже скромное дерево вот этой самой черёмухи, и только в начале мая, иногда ближе к его середине дерево преображается, и будто невеста под венец, одевается в прозрачное белое-белое кружевное платье. И по всей-то округе разносит удивительный, колдовской запах.

Сходил, проверил. И точно – черёмуха приготовилась расцвести, некоторые гроздья уж и

распустились, а другие тоже наготове, вот-вот и они зацветут.

Сорвал кисточку, вдохнул – ах, какая благодать! До самого донышка души достал этот удивительный аромат, который и можно ощутить один раз в год вот в эту пору и который ни с каким другим не смешать.

Ну а сирень? Чем же хуже запах сирени? А какое богатство цветов в её сочных, плотных гроздьях – от целомудренно белого через чуть голубоватый или розоватый до густо-лилового!

А запах шиповника, дикой розы? Я уж не говорю о розе настоящей, садовой.

А запах ландыша? Мне всегда казалось, что вот так, ландышами, пахнет в раю, хоть гипотезу эту и трудно проверить.

Да, конечно, всё так.

И всё же, всё же... у черёмухи своя, особенная статья. Ведь и женщины бывают ничем вроде бы внешне непривлекательные, неприметные, а вот исходят от них некие колдовские флюиды, призывные, с ума сводящие эманации.

Запах черёмухи. Запах сирени. Запах ландыша. Все чуждые и все разные. Но как эти запахи описать, как их пересказать словами? Да никак! Нельзя этого сделать. Потому-то и дал

Творец человеку эту возможность – вдохнуть и почувствовать блаженство.

Только так и никак иначе!

Недолго красовалась черёмуха в майском наряде. Но тут же без промедления вслед за нею зацвели сливы, терновник.

А вот и вишня – так и кажется, будто ослепительно белое облако плыло, плыло по небу да вот невзначай опустилось и окутало то ли молочной, то ли снеговой кипенью её ветви. Спешу, спешу сфотографировать это чудо. Завтра пройдёт и оно. Весной всё проходит с калейдоскопической быстротой.

Вишня. У японцев – сакура. В течение многих и многих веков неистощимый источник вдохновения японских поэтов, художников. Да и не только поэты, художники – известно, что и самые обыкновенные жители этой загадочной страны способны часами сидеть и безмолвно любоваться цветением сакуры.

Три дня на волнах майского ветерка плавал терпкий запах цветущей черёмухи. А сегодня землю возле её ног густо-густо присыпало снежной порошей опавших лепестков.

В тёплых майских сумерках в первый раз попробовал голос соловей. Щёлкнул, будто пастушьей плетью ударил, рассыпал дробь – и замолк.

Соловьиная песня! В груди безусого юнца поднимает она сильную, тугую волну неясных, но таких сладких предвосхищений счастья!

В душе заканчивающего свой земной путь старика бередит, будит она воспоминания о давным-давно минувшем и, может быть, самом лучшем, что было в жизни...

Набрали полную силу цветы дикой розы. Какой чудесный запах! Нежный, лёгкий. И волнующий. И с давних пор знакомый! Потому-то и поднимает этот аромат с самого доньшка души зыбкую волну воспоминаний о смутных, забытых и всё же когда-то властно владевших душою чистых, молодых чувствах.

На прогретом майским солнышком крылечке сидел совсем ещё маленький мальчик. Ну, может, годика три, не больше. Притулился в уголке, и так ему хорошо! И теплынь, и светлынь, и даже как будто где-то рядом не совсем

понятная, но приятная музыка тихонько тренькает.

И вот вдруг мальчик совсем неожиданно увидел, как мимо него пролетела, ловко порхая золотистыми крылышками лёгкая, как сам воздух, такая же, как он сам, беззаботная бабочка.

Мальчик никогда ещё не видел бабочек, да и не знал, что вот это чудесное существо называется бабочкой. Но ему так сильно захотелось полететь за бабочкой, что всё своё маленькое существо напярк из последних сил и... превратился в бабочку.

Сами собой появились золотистые крылышки, и ножки, и усики. И мальчик полетел, вот взял и полетел вслед за бабочкой. О, сколько всего видно с высоты – и луг, и речка, а дальше лес!

– Мальчик, мальчик! Вернись назад! Солнце превратит тебя в золотистую пыль!

Но мальчик не слышал и не понимал голоса бабочки. И действительно вскоре превратился в легчайшую золотистую пыль.

Но вот майский ветерок подхватил эту пыль и возвратил в уголок на тёплое крылечко. И тут же эта золотая пыльца превратилась в белоголового мальчика.

Вот он трёт ручонками глаза и никак не может понять – то ли всё так вправду и было, то ли он просто на пригреве вздремнул немножко.

Шиповник нежится, цветёт, благоухает
В теплыни летней, в солнечных лучах,
И бабочка-капустница порхает,
И пчёлка копошится в лепестках.

Как щедро раздаёт подарки лето –
Кирпичным стенам, крышам и кустам.
И на дороге тёмной пятна света
Наляпал кто-то кистью тут и там.

И маленькими зеркальцами блещет
Густая изумрудная листва.
И всё ликует, всё животрепещет –
И воздух, и деревья, и трава!

Солнце будто ладошкой кто прикрыл – это набежала на него лёгкая тучка.

И тут же потускнела, поскучнела берёза за окном.

Но вот какому-то настырному лучику удалось-таки пробраться сквозь занавеску тучки, и он стал золотистым зайчиком поигрывать на сером стволе берёзы. Одно-разъединственное пятнышко, но и от него уже как-то на душе стало веселее.

Лучик переместился чуть в сторону, и тут же заблестели, вспыхнули ярким светом, будто лаком покрытые, молодые пока ещё листья.

Их, таких счастливых, и всего-то с десяток, а сколько от ни радости!

Наконец тучка отошла, отправилась в дальнейший свой путь, и берёза, обрадованная, тут же преобразилась, вся озарилась светом.

Высоко над полем светит
Полная луна.
Ни души на белом свете –
Ночь и тишина

Лишь кузнечик еле слышно
Где-то шебуршит.
Ветер травы не колышет,
В поле – ни души.

Тихо ползают по тропке
Чёрные жуки.
И ступаешь робко-робко,
Как по дну реки.

Под луною голубою
Голубой простор.
И ведут между собою
Звёзды разговор.

Колдовской подлунной мутью
Даль напоена.
И тревожит душу жутью
Ночи тишина.

Жёлтый бубен луны смотрит в окно сквозь неплотно прикрытые шторы. Что тебе надо, луна? Зачем ты тревожишь душу старого человека?

Немыслимо огромная луна еле-еле выкарабкалась из-за горизонта. Грузная, тяжёлая низко поплыла над крышами домов. Господь милостив – авось не упадёт, авось и сегодня благополучно пройдёт положенный ей путь.

Ещё и солнце не успело скрыться за лесом, а высоко-высоко в хрустально звонких небесах обозначилась льдинка только что народившегося месяца.

Над сонною рекой тихо угас закат. На берегу, подёрнутом сумерками, жёлтой цепочкой зажглись огоньки дальней деревни, робко задрожали, отражаясь в сонной реке. Высоко в небе затеплились первые звёзды.

Какое пиршество красок, какой праздник для глаз, когда солнце перед заходом осветит, будто театральным софитом, снизу вверх вершину берёзы, высокой-высокой, той, что в самое небо упёрлась, и вершина эта озарится вся несказанно ярким светом и даже будто бы затрепещет вся от избытка радости и счастья. Неосвещённая солнцем часть ствола и нижние ветви, те, что в тени, они вроде бы и не так заметны, пропадают, если смотреть на верхушку.

А если приглядеться и приглядеться внимательным взглядом – о, сколько и тут разнообразия, сколько разных оттенков – и мягких, и тёплых, и холодновато-синих, если на пряди берёзы падают рефлексy блистающего вверху до исступления синего неба.

Но вот солнышко всё ниже и ниже, вот последний его лучик коснулся самых верхних листочков. Солнышко зашло, и будто бы, рассказав берёзке добрую сказку со счастливым концом, как в детской телепередаче, прошептало ей ласково: «Доброй ночи! До завтра!»

Ещё люблю наблюдать как меняется цвет белого ствола в течение дня. Утром проснёшься – глянешь в окно, берёзка давно проснулась, а солнышко ещё раньше, - и вот освещённый бок ствола так ярок, что и глазам на него больно

смотреть. Это уж не белый цвет, это солнце подарило берёзе свой ослепительный, такой ослепительный свет, что и взглянуть на него невозможно – ослепнешь!

Ну, а та часть ствола, что чуть сбоку или в тени, она прохладных тонов – лиловая, голубовато-розовая.

А солнышко катится быстро. Это только кажется, что оно там по небу передвигается ни шатко, ни валко. Если смотреть, например, одновременно на какой-нибудь предмет и краем глаза на солнце, то и поймёшь, что идёт оно точно по курсу со скоростью, заданной самим Создателем.

Да... Так вот уж оно, солнышко-то, и позади берёзы, и она на фоне фосфоресцирующего неба смотрится совсем силуэтом. И ствол потемнел, сильно потемнел. Ну, конечно, листва ещё темнее, и только изредка высверкнет на солнце повернувшийся к нему плашмя какой-нибудь озорник-листик. Понятно, что «бровки» и «глазки» на стволе, они самые тёмные, так уж им полагается по закону...

Но вот и вечер подошёл незаметно, и опять похорошела берёзка, и опять она вся сверкает и блестит будто невеста-мордовка – с головы до ног в звенящих, золотых, серебряных монетах-монистах. И теперь уже другой, правый бок ствола загорелся ярью, но не той ярью, что утром, а ярью раскалённого докрасна железа.

Девочек и мальчиков в детских садах, в начальных классах школы заставляют рисовать акварельными красками, и они рисуют – и берёзы, и ёлки, и траву, и листики цветка всё одной и той же зелёной краской. Их глаз пока не развит, не воспитан.

Но ведь и взрослому человеку, если он обычный, скучный обыватель, тоже кажется всё одинаково скучно-зелёным. До разглядывания ли ему всяких там оттенков, если он вечно, всю жизнь куда-то спешит.

Да даже и некоторые художники тоже не очень-то любят работать летом. Осень-то вон какая нарядная, а весна нежная и юная. О зиме и говорить уж нечего – кому охота зимою в холодрыгу сопли морозить.

Но, вернёмся к лету. Вот попробуйте хоть на несколько минут отодвинуть в сторону ваши архиважные дела, и, сидя на лавочке у себя на даче, посмотрите – какая она разная, и какая удивительная эта зелень! Переведите взгляд с подрастающей капусты на кустики картошки, на помидоры, на ветку яблони, и вы – я уверяю вас – просто удивитесь, как же раньше-то этого не видели.

Я как-то глядел на ветку дуба, с которой заигрывало солнышко – и так на неё посмотрит и эдак. Каждый лист ветки был непохож на другой, они как бы выхвалялись друг перед другом. Тысячи тончайших оттенков, тысячи нюансов!

Но, до них ли сверх ушей занятому человеку.
Человек разучился смотреть...

Нынче серёжек на берёзах – видимо-невидимо. Вроде уж никогда столько не было. В августе серёжки созрели окончательно, и вот их семена понесло, понесло ветром мимо окон, ну, вот всё равно что пурга зимою. Бывает, бывает зимой такая вот мелкая метель-пурга.

Асфальтовые дорожки около нашего дома сплошь укрыло этой желтоватой берёзовой пургой, а поскольку эти семена, маленькие-маленькие самолётики, приликая к подошвам, тащатся в дом, в квартиры, то женщины, вооружившись мётлами, щётками, вениками, принялись во всю мочь мести, очищать от них – и дорожки, и площадку у подъезда, и крыльцо.

И всё-таки эти «самолётики» как-то да ухитрялись проникать внутрь квартир и приземлялись на подоконниках, на веранде, на диване, там, где казалось им удобнее, там и располагались.

К нам в квартиру регулярно и по несколько раз в день их приносила наша собака Веста.

Интересно было наблюдать за воробьишками, как они часто-часто трепыхая крылышками, как колибри, зависали в воздухе

возле висячей берёзовой серёжки, и доставали из неё те семечки, которые уже созрели. Но это было ещё до «пурги». А сейчас в травке на лужайке этого добра – ешь не хочу. Невелико берёзовое семечко, но если хорошо потрудиться, то и ими можно набить воробьиный зоб.

Воробьишкам с асфальта малюсенькое зёрнышко трудно склюнуть. Ещё труднее галке. Но вот уж им подвалила лафа, когда женщины-домохозяйки смели и собрали это лакомство в кучки. Тут уж повеселились и воробьи и синички. А галки – те придумали очень рациональный способ – около кучки семян приземляются, открывают клюв и, елозя наклонённой головой по земле, до отказа набивают пасть лакомым деликатесом. Неглупые, однако, птицы!

Где-то в середине августа почти каждый год в уголке за наружной рамой плетёт свою ловчую сеть охотник-паучок. Как и откуда они появляются именно в это время – загадка.

И паучки – не то, чтобы всякий год один и тот же, нет – разные. Года два обитался за окном огромный и страшный паук с белым крестом на спине. Разбойник! Инквизитор! Жили и обыкновенные серенькие паучки – туловище с горошину.

Нынче поселился паук серьёзный, большой и чёрный, но не крестовик. Вся его ловчая сеть была залеплена вот этими самыми берёзовыми семенами-самолётками. Сидит паук в своей

щёлке-засаде, как услышит, что сетка дрогнула, быстренько выбежит, а посмотрит – опять эту дрянь ветром нанесло.

Но вот однажды большая муха со всего лёту треснулась башкой в его сеть, и к её счастью тут же отскочила назад как от батута. Мухе повезло, а паук нехотя, коряча кривые лапы, опять полез в свою щель. «Ах ты, бляха-муха!»

Начали поспевать и облетать на землю жёлуди с дубов, что растут около наших хозяйственных сараек. А поспевать в первую очередь они начали с солнечной стороны, именно с той, где находятся сарайки. Дубы уж взрослые и далеко простёрли могучие ветви над крышами убогих сараюшек. Крыши разные – у кого-то покрыты рубероидом, но рубероид уж больно недолговечный кровельный материал, от дождей и снега быстро изнашивается, пропадает.

Несколько сараек сейчас покрыты то жестью, то шифером. Жёлуди, ударяясь о рубероид, звук издают глухой, а вот если по жести, по шиферу, да если падают не по одному, а горстями, то впечатление такое, будто кто сверху с самолёта палит очередями по нашим гнилушкам-сарайкам.

Жёлуди ещё не выспели окончательно, просто их подсушило солнышком, а дождичка не было давно. Поэтому у них и одёжка-скорлупа и ядро довольно жёсткие. На крыше сараек их полно. Галки, даже выбрав для трапезы пусть и самый спелый жёлудь, употребляют много времени и труда, чтоб добраться до ядра, да и оно

жестковато. Поэтому большого энтузиазма этот корм пока не вызывает.

На крыше сарая, на предосеннем солнышке греются и окрестные коты – отпетая шпана. Когда одна из галок усердно долбила очередной жёлудь, то так увлеклась работой, что и не заметила, как к ней сзади подкрался самый нахальный и наглый кот Парфён и сумел-таки прихватить её за крылышко. Галке хоть и удалось вырваться, но вечером я видел, как она, приволакивая повреждённое крыло, всё искала в бурьяне, в корнях вишня, безопасное место, чтобы укрыться от паршивца-кота, да и отсидеться в надежде, что крыло немного подживёт. Что случилось с галкой? Не знаю. Утром я уже её не видел.

Беспрестанная шрапнельная трескотня падающих на жестяную крышу желудей очень даже неблагоприятно действовала на нервную систему нашей собачки Весты. Она жалась к моей ноге и просительно глядела мне в глаза – не лучше ли будет, если уйти домой?

Жёлуди, ударившись о крышу, подпрыгивали и отлетали довольно далеко. И вот один из таких желудей, как будто бы специально целился, – попал Весте прямо в лоб. В полном недоумении она смотрела на меня своими умными карими глазами. От меня такой злой шутки она даже и ожидать не могла. И не могла понять в чём дело. Потом, широко зевнув, пошла

к крыльцу, к входной двери. «Такие шутки нам ни к чему...»

Вышли с Вестой на прогулку во двор, и она, обрадовавшись свободе, сразу же принялась лазать по зарослям травы, уж не заросли, а дебри какие-то, а ей это и любо, ей этого и надо. Всё ищет, вынюхивает – нет ли там хоть какой заваливающей косточки.

Веста пропала из виду, я, как обычно, сижу, лузгаю семечки. И вдруг, откуда ни возьмись, прилетают ко мне, шумно хлопая крыльями три голубя. Один из них прямо с ходу, с лёту садится мне на руку и с ладони, где лежат семечки, начинает их деловито, торопливо склёвывать. Но вот что интересно – в руку мне своими коготками вцепился так деликатно, что не то чтобы боли, но даже и никакого неудобства я не испытал.

Пришлось посыпать немного семечек и на землю двум другим голубям. Откуда-то взялся наглец кот Парфён. Прижимаясь всей грудью к земле, крадёт потихоньку к голубям, на меня не обращая даже малейшего внимания. Только голуби – что, дураки что ли? – завидев кота, поднялись, шумно с треском хлопая крыльями, полетели искать другое место, где можно покормиться.

Голуби улетели, смылся кот Парфён. Но вот является наша раскрасавица Веста. Вид виноватый, трясёт ушами, скребёт их лапами. Всё ясно – нацепляла «собак» – спелых шишек-семенников с лопуха. К концу августа шишки поспели окончательно, побурели, а уши у Весты – ведь она спаниель – будто бы специально созданы для этого – собирать урожай этих самых «ёжиков».

В детстве мы, набрав горсть шишек, гонялись друг за другом, цепляли «ордена» и «медали» на грудь тому, кого удавалось догнать. Или же, слепив из них приличных размеров шар, гоняли его по пыльной дороге...

Всё это так, но надо же выручать Весту. Зову её, и она виновато и покорно подходит, терпеливо ждёт пока я ногтями выскребу из лоснистых локонов всю эту колючую требуху.

Наконец она опять радостным намётом убегает за сарай.

Сижу, лузгаю семечки. Через минуту-другую является красавица Весточка, и на ушах у неё уже не один, а целых три «ёжика». И много, много «радости» тем самым принесла!..

Тревожные краски заката,
Лиловое в чуть розоватом.
Холодный, порывистый ветер –
Прошло благодатное лето.

Шумят беспокойно берёзы,
Предвестия душу тревожат,
Нахмурился серый август,
Знать, кончилось лето и вправду.

Над крышею нашего дома
Большая грачиная стая.
В груди засаднило знакомо –
Так в августе только бывает.

Грачи свою чувствуют пору,
Сердце царапают граем.
Им расставаться скоро
С домом, с родимым краем.

Печаль разлилась отравой,
Знать лето прошло и вправду.
Вызревшим яблоком в травы
Падает с ветки август.

Шум деревьев за окном чем-то сродни фортепианной музыке. И у него диапазон от форте до пиано, от робкого, вкрадчивого шелеста до могучего шквалистого раската, когда напор ветра достигает наивысшей силы.

Но дело не в этом. Дело в том, что дерево тоже живое. Оно знает, чувствует – вот кончились отрадные тёплые деньки, завтра все до единого листочка сорвёт и унесёт ветер, а послезавтра придут жестокие холода, бесконечно длинная зима.

Вот почему столько щемящей душу тревоги в этой предосенней рапсодии.

У дерева свой язык.

В конце августа вечера становятся довольно прохладны. И заявляются они непривычно поспешно. И день-то ещё не успел собрать манатки да уйти, а вечер уж тут как тут – вот он я! В такие вот прохладные августовские вечера тревожно и густо начинают шуметь за окном многолиственные берёзы.

Как томит, как волнует душу шум старого дерева под беспокойным предосенним ветром! Отчего это так бывает? Но ведь тревожное

смятение в эту пору, должно быть, овладевает не только человеком, но и всяким другим живым существом, кому Господь дал способность дышать, видеть и слышать. Ведь вон и Веста смотрит в быстро надвигающуюся темень, слушает шум листвы и начинает тихонько поскуливать, подчиняясь власти тоскливого мотива.

Не миражи и не призраки
С дальних окраин земли –
Осени первые признаки
К нам незаметно пришли.

Вызревшей кистью рябиновой,
Первым кленовым листом,
Вспыхнувшим в гуще рубиново,
Жаркой калины кустом.

Похолоданьями ранними,
Пушкинской светлой строкой,
Светлыми воспоминаньями
О тех, что ушли на покой.

И тишиной непривычную
На опустевшем дворе,
Необъяснимое, личное
Что-то есть в этой поре.

Клёны по осени самыми первыми начинают загораться – желтеть, краснеть, полыхать. Зато и листва с них облетает очень быстро.

Но вот уж удивила так удивила яблонька дикарка из нашего палисадника, что буквально ещё вчера вся-то вся была увешана круглыми жёлтыми медалями, будто участница войны на параде 9 Мая. Сегодня глянул и обомлел – ни единой медали нет и в помине.

Кончился парад. Кончился её праздник.

У никогда не просыхающей лужи на углу нашего дома постоянно мельтешат то галки, то вороны. Сижу на скамейке, смотрю – у лужи копошатся десятка три воробышек. И вдруг ни с того ни с сего они пустились по кругу в такой дикий пляс, что я уж не знал что и подумать – белены объелись или жмыха от браги наклевались, носятся по кругу как ошалелые, обгоняют друг друга, перескакивают один через другого. Чехарда какая-то!

Весте эта картинка тоже показалась странной. Намётом в один миг оказалась у кучи. Я ожидал, что воробьи, как обычно, пырскнут фейерверком вверх. Но ничего подобного. Утихомирились только немного.

А оказалось, это ветер-озорник баловал – закручивал в воронку сухие опавшие берёзовые листья.

Веста, тоже поняв это, с брезгливой миной отошла в сторону.

Ну ладно. Пусть сегодня это были не галки и не воробьи. А в другие-то дни что их так тянет к этой луже?

Я стал думать, и версия моя такая. Невдалеке от лужи стоят три взрослых дубка. Спелые жёлуди падают с них и на крыши сараек, и на землю, и, естественно, в раздрызанную шинами автомобилей лужу. Жёлуди, полежав в луже, разомлеют, размякнут – и кожура, и ядро. Под дубами вся земля сплошняком усеяна желудями. Но попробуй-ка расколупай спелый, будто из бронзы отлитый жёлудь.

Галки не дуры – зачем им тратить время, а главное силы, чтобы раздолбать сначала металлической твёрдости кожуру, а потом почти такой же твёрдости ядро.

Вот они из месива грязи и добывают, как будто бы специально для них распаренное, лакомство.

И воробьишкам опавшие берёзовые семечки-самолётики доставать из лужи, видно, гораздо удобнее.

Большой, очень крупный ярко-оранжевый лист клена упал на асфальтовую дорожку. Поскольку парусность у него хорошая, то даже и самым легким ветерком его чуть приподняло и юзом, с еле слышимым скрипом потащило по дорожке. Собака Веста сразу же насторожилась, ей показалось это удивительным и странным. Пока лист понемножку передвигался по асфальту, она и справа зайдёт, на него поглядит, и слева посмотрит. Что за чудо зверь? Осмелилась, взяла зубами за черешок, подержала и, убедившись, что ничего тут интересного и необычного нет, с равнодушным видом отошла в сторону. Да и лист ветерком прибило к обочине дорожки, и он успокоился.

Лист с берёз потёк с устойчивым постоянством, да и не только с берёз, а и с клёна, и с дуба. Но с берёз лист спускается с какой-то особой элегантностью – так падают большие пушистые хлопья снега в безветренный зимний день. Маленькие жёлтые сердечки берёзового листа аккуратно устилают чуть лиловатый асфальт, и эти два цвета очень даже хорошо дополняют друг друга. Но вот ветерок подул что-то не совсем аккуратно, с рывка, и закружилась метель-круговерть, замельтешил в воздухе целый рой лимонных бабочек-листьев.

Женщины вчера вечером сгребали с дорожек и из-под деревьев опавший лист в мешки, стаскивали его в кучи. А сегодня утром вышел во двор поглядеть на Божий свет, на чуть грустноватое, уже осеннее солнышко, а листьев на дорожках почти столько же. Но какой же неизъяснимо тонкий, удивительный аромат исходит от них и стоит без движения в этом чистейшем, прозрачном, прохладном воздухе. Век дышал бы и не надышался, как любила у нас говорить мама.

А листья, пока ещё не раскисшие от мокропогоды, лежат на асфальте так красиво, будто их специально разложили по своему усмотрению и вкусу мастерицы ковроделия. Тут не только берёзовые сердечки, а и волнисто-резные листья дуба, и пятипалые и яркие как кремлёвские звёзды кленовые листья. И вот, если специально захочешь их так выложить – ни за что не получится.

Но как же быстро всё происходит осенью! С какой калейдоскопической быстротой меняются картинки во дворе! Вот всего лишь неделю назад маленький клён, что самостийно вырос в углу нашего палисадника, стоял, ну, можно сказать, что почти зелёным. Ладно, не зелёным, так примерно оливкового цвета. Позавчера он весь от подола до верхушки горел будто набравший полную силу костёр самым ярким пламенем. И горел этот костёр как-то по-особенному, такой

яростный, нестерпимо горячий огонь, а ни один лист не шелохнётся.

Нет, неправда – у самого подола один (всего лишь один!) листок мотало ветерком, и он, будто озябшая пятипалая ладошка, всё махал и махал, будто бы навовсе прощаясь с уходящим теплом, с красным летечком.

Перед ветровым стеклом в автомобилях иногда подвешивают такие вот растопыренные ладошки, которые машут и машут всем встречным автомобилистам. Но это ладошки белые.

Да, так вот – еще позавчера молодой пижон клён блистал на солнце во всей своей красе. А сегодня верхние его ветки совсем-совсем голые, и как-то очень уж нелепо выглядят эти длинные прямые прутья и сучья. И только внизу, у подола, всё так же упрямо и настойчиво машет ладошкой тот самый одинокий лист, будто срамное место прикрывает.

Лист в преддверии снега и стужи,
Отделившись от ветки, кружит.
Покружив, в замерзающей луже,
Одинокий, ненужный лежит.

Вспоминает о лете, о дубе,
Где вчера волновался, шумел
Средь собратьев в раскидистой шубе...
И у нас всё такой же удел.

Ничего. Станет лист перегноем,
Чтобы дуб не засох, не хирел.
Чтоб в ветвях его с новой весною
Свежий лист волновался, шумел.

К вечеру разведрилось. Вызвездило небо. Озябшее, насквозь промокшее дерево тянется, хочет прижаться к дому, что стоит рядом, в десяти шагах. Но и дом промок и озяб. Не пора ли затопить печку, чтобы согреть охолодавшее за день жилище?

Установилась сухая, но серая и скучная погода. Никто не поёт больше песен. Из жизни исчез присущий ей запах.

В предвечернем небе над крышами, над вершинами берёз долго кружилась и надсадно кричала огромная стая грачей. Будто заноза пронзила сердце невыразимая печаль.

Вчера весь день шёл нудный, холодный дождь. В лужу на дороге, медленно кружась, падали листья. Ночью их прихватило первым морозцем, и листья остались в плену схватившего лужи льда. Выйдет ли солнце, растопит ли лёгкий ледок?

Злой ветер срывает, уносит последние листья.

Воздух поздней осени леденит и пощипывает ноздри. Они в это время как-то особенно чутко чувствуют и холодок, и все запахи увядания.

Но где же взять сил, чтоб пережить ещё одну зиму?

Но вот уж не листья, а лёгкие белые мотыльки падают на мёрзлую землю. Первый снежок – снежинка к снежинке, пушинка к пушинке.

Хрупкая, воздушная снежинка с изящным кокетством опустилась мне на рукав.

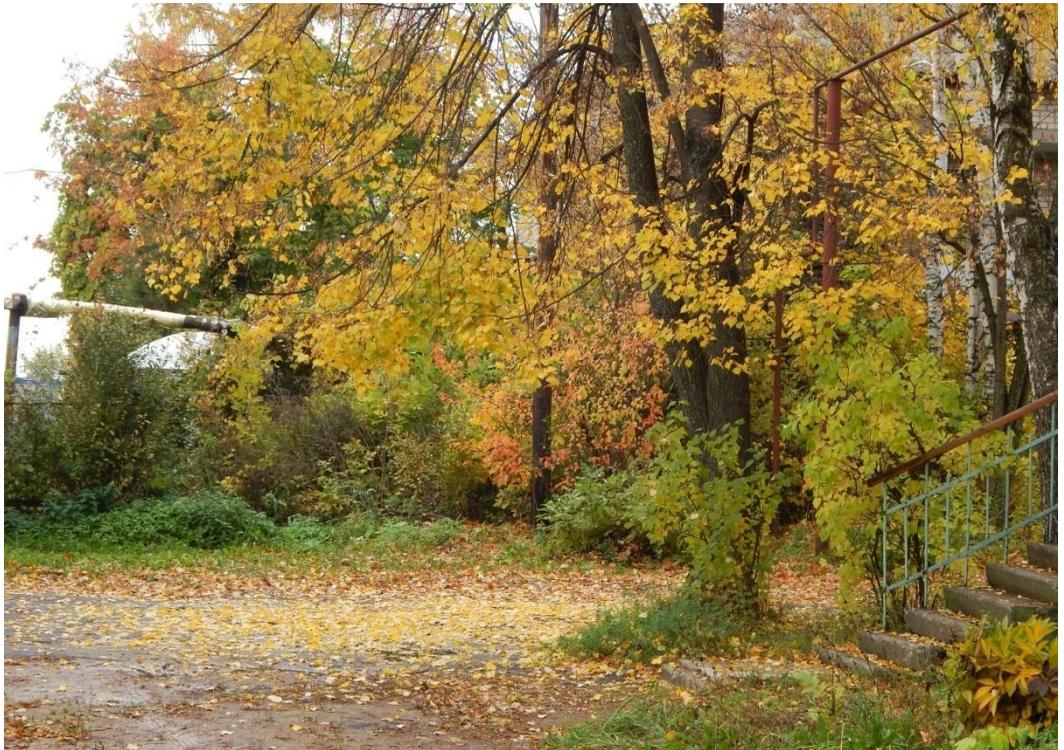
Кто же ты, искусный ювелир, что создал это совершенство?

Чудо-снежинка опустилась на рукав. Один миг – и вот уж она растаяла, исчезла. Даже и крошечной капли росы не оставила после себя.

А наша жизнь?

И она всё так же мгновенна...

Снежинка к снежинке, пушинка к пушинке медленно, не спеша падает снег. Но вот уже и довольно солидный сугроб вырос возле нашего сарая.

Вспышками лучистых звёзд сверкает он на зимнем солнце. Холодное солнышко, светит да не греет.

Но вот не заметишь, как придёт время и это же солнышко расплавит сугроб – мутный поток потечёт по обочине грязной дороги.

Жалко, конечно, но недели через две наш «наблюдательный пункт», наши лавочки запорошило мягким, но уже довольно толстым слоем снега. На сиденья будто кто полога из белого лебяжьего пуха положил. И лавочки ласково приглашают: «Садись, посиди! Полузгай семечки!»

Но нет, сидеть на лавочке уже прохладно. Хотя на прогулку во двор с Вестой мы всё равно выходим каждый день. Весте свежий снег в диковинку. Радуюсь и балуюсь, она носится кругами по двору, суёт свой нос в пушистые намёты.

Однако коротки стали дни, и даже в полдень сумеречное небо солдатским серым одеялом низко висит над головой. Поскучнели, осунулись

как-то и дубы, и берёзы, не говоря уже о кустарниках и мертвенно поникших цветах.

А что делать? Приходится мириться, терпеть. Ход времён нельзя остановить.

Да ведь и не увидишь, как в свой срок опять заявится весна, и напомним тебе столь любимые строки:

Но верь весне. Её промчится гений,

Опять теплом и жизнью дыша.

Для ясных дней, для новых откровений

Переболит скорбящая душа.